

Арутюнов Сергей Сергеевич

ДВА ПОЛЮСА ПОСТСОВЕТСКОЙ КРИТИКИ: ПОКУПНАЯ НАУКООБРАЗНАЯ И НЕПОДКУПНАЯ ПОСКОННАЯ.

Вместо вступления я прочту несколько строк из критической статьи 2012-го года под названием «Новая сложность»: «Всякое направленчество, с набором подходящих метатекстов (манифестов, предисловий и проч.), сегодня — на границе первого и второго десятилетий XXI века — кажется оставленным в прошлом поэзии. Вырисовывается принципиально неинституционализированное сообщество скорее эзотерического типа (где близкие могут ничего не знать о дальних), где родственность членов определяется приобщенностью к парщиковской установке, универсальной и всепроникающей, которую Эпштейн привычно именуется «метареализмом». Ключевое для этой «установки» слово — «сложность». Но «сложность» не нарочитая, а неизбежная, связанная с фиксацией современной «картины мира» и с невозможностью отбросить и обойти представление о ее неоднородности после того, как оно «схвачено» и осмыслено. Поэзия, подчиненная этой установке, проблематизирует сам акт восприятия, подобно тому, как постконцептуалистская установка проблематизирует акт творчества и речи. Все возможности высказывания исчерпаны, и нужно вернуться к вещам, говорят постконцептуалисты, с помощью «прямого высказывания», вернуться к «простоте» через усложнение коммуникативной стратегии речи. Противоположная установка исходит из обратного: сложность мира, его многомерность — неисчерпаемый источник поэзии, которая пишется без оглядки на уже-сказанное, но — феноменологически, фиксируя не воспринятый мир, а скорее мир в процессе «воспринимания» и само «воспринимание» мира. Что существенно меняет статус слова, деавтоматизируя отношения слова и вещи, приводя к семантическому сдвигу. В основе усложнения здесь — визуальная культура. «Двусмысленная ткань», «генератор инаковости» — призрачные вещи, «мыслевети». Общность установки, однако, не уничтожается разностью поэтик. Все это лишь показывает, что институциональная граница, существующая между поэзией и прозой, — литературная специализация, не предполагающая встречи этих двух областей в единстве разговора, — условна. Стоит лишь изменить угол зрения — и мы увидим общие для всей литературы импульсы и процессы. Таков нынешний поворот к «новой сложности», озаменованный не только появлением новых имен и текстов, но и чреватый переосмыслением старого и давно известного. На наших глазах, кажется, происходит описанный Тыняновым процесс превращения маргинального в магистральное».

Надеюсь, все уже всё поняли: статья о «новой сложности» сокураторки (так указано – официально!) Школы литературных практик Евгении Вежлян (она же Воробьёва), сбежавшей с началом Специальной военной операции в Израиль, вовсе не призвана что-то кому-то объяснить: внутрицеховые игры пост-российского литературного сообщества призваны не к объяснению (раскрытию) чего-либо, а к фатальной дезинтеграции литературного процесса, окончательному выдавливанию из него читателя как совершенно постороннего лица при помощи квази-философского и будто бы литературоведческого инструментария, заимствованного на Западе у пост-структуралистов и других игроков в интеллектуальную словесность. Сравним этот сложный бред с отзывом на портале «Российский писатель», который мне даже не пришлось долго искать: «Поэт, публицист, писатель NN написал новую книгу, обратив наше читательское внимание в далёкий 19 век. Среди огромного количества его книг со стихами, он уже многократно обращался в прозе к творчеству и судьбам русских поэтов, писателей, драматурга, музыканта, а теперь вот, открыл нам судьбу молодого талантливого художника. Вот для чего написана эта книга... Два века хранились документы, воспоминания, но никто не догадывался собрать их воедино, охватить и познакомить широкий круг людей с судьбой живописца. Просто NN продолжает свою жизненную стезю – открыть душе дорогу к свету! Ответ на вопрос для чего написана книга, звучит лейтмотивом в творчестве. Щедро он был одарён и могучим и дивным талантом. Чудною силой чувства и красок. Быстро разившись, мгновенно он вспыхнул блестящей звездой, но блеск его яркий в искусстве остался навеки. Я считаю, что, если появится у кого интерес к этому молодому дарованию, тот всегда сможет найти книгу NN и прикоснётся к таинству. А если понадобятся более глубокие знания, то на странице 197 изложена вся библиография необходимой литературы. А наш любимый писатель и поэт не зря имеет высокую награду – Медаль Пушкина за заслуги в области культуры и литературы, за большой вклад изучения и сохранения наследия, в сближении и взаимообогащения культур наций и народностей, за создание высокохудожественных образов. И мы горды тем, что Вы, NN, продолжаете своё правое дело. А для своих читателей, Вы всегда – самый талантливый, умный, мудрый, интеллигентный с тонкой и доброй душой и умеющий понимать и любить простых людей и просто с нами разговаривать и общаться».

Комментировать эти обороты излишне. Наивность, необратимо быстро скатывающаяся в идиотию, ничем не лучше «ультра-профессионализма», не могущего слова сказать в простоте. Таким образом, два полюса постсоветской критики могут быть обозначены, как и в заглавии доклада: «покупная наукообразная» и «неподкупная посконная». Разумеется, истинная картина

намного сложнее, однако модель процесса выстраивается, я настаиваю, именно этими двумя полюсами.

Финансовый фактор «покупаемости» и «продаваемости» здесь являет себя следующим образом: внешний заказ евро-американских «кураторов» русского литературного процесса, призванный превратить нашу литературу в никем не читаемое ничтожество по типу «университетской словесности» Европы и США, оплачивается средствами «прокладочных» фондов тех же самых стран, а выделяются средства на идеологическую обработку преподавателей и студентов профильных российских вузов гуманитарной направленности и примыкающих к ним институций из Госдепартамента США и руководящих органов Европейского Союза согласно разработанным и активно осуществляющимся на территории нашей страны программам. То есть, критиков либерального профиля можно себе и заказать, и купить на «свободном рынке», потому что они уже куплены и финансируются, а если ваше произведение соответствует их диким вкусам, вы попадёте в программу ещё и как финансируемое лицо. Посконную критику если и можно «приобрести», то лишь за счёт ментального сходства одного непрофессионализма с другим. По степени, так сказать, родства в убожестве: примитив отзывается примитиву, потому что они настроены на одну волну восприятия.

Причиной, по которой в России бытует и постоянно индуцируется именно такая «критика», является, по моему разумению, исчезновение совести, и в том числе профессиональной, потому что если бы хоть крупинка её оставалась в людях, берущихся за анализ художественных произведений, они бы не смогли написать ни строки из разряда тех, что я имел несчастье вам процитировать.

Советских критиков я застал ещё живьём: Лакшин умер только в 1993-ем году, Кожин – в 2001-м, Лазарев – в 2010-м, Турков и Лобанов – в 2016-м, Аннинский – в 2019-м, Курбатов – в 2021-м. То есть, нельзя сказать о том, что я не помню или не понимаю, кем были советские критики: руку я жал и Лазареву, и Туркову, и Лобанову, а стихи мои один раз в радиоэфире выделил Аннинский, а из Пскова получил привет ещё и от Курбатова. В «Знамени», где я молодым и наивным начинал четверть века назад так называемую «литературную деятельность», знал я Агеева, Степаняна и Иванову, первый их которых был не столько литературным критиком, сколько эстетствующим публицистом, и второй любил этакие лирические прогулки по тайникам своей памяти, и самым запомнившимся его обзором был вовсе не литературный, а посвящённый горестной судьбе армянского народа. Третья специализировалась на «литературе оттепели», Искандере и шестидесятниках,

претендуя на некий универсализм либерального подхода к современной словесности. С Ириной Бенционовной Роднянской быть знакомым чести не имел, и, признаться, ничуть о том не жалею. Из постсоветского поколения несколько более весомое впечатление, чем постмодернист Вячеслав Курицын или сетевой Данилкин, производили Эпштейн, Немзер, Басинский, Бавильский, Вязмитинова, Анкудинов, Рудалёв, Софронова. Поначалу громким было пришествие в критику «критическое трио» «Попуган», но очень скоро стало понятно, что ничем, кроме «нового реализма» (литературы премиальной по определению), эти молодые особы заниматься не станут.

В критики тогда попали все, кого не приняли в авторы, и говорю я об этом лишь потому, что в критики пытались «вбить» и меня. Это было так же оскорбительно, как жест советского швейцара, отворявшего дверь перед щедрыми господами родом из «товарищей» и лопатообразной ладонью отеснявшего от входного отверстия обычных посетителей. «Критик» звучало приговором: ты – обслуга, и более того – обслуга не просто покупная, но и дешёвая, что-то вроде светского обозревателя, допущенного на пир нуворишей. Порой от щедрот кувыркнётся в руки и бутербродик с чёрной икрой, но не больше.

Критические бунты случались при мне ровно три раза: журнала «Литературная учёба», в редколлегию которого я входил. На рубеже нулевых-десятих мы пытались воздать всем сестрам по серьгам, объявить русофобию русофобией, и вообще назвать вещи своими именами, но главного редактора тогда сняли за неуважение к ведущим персонам даже не литературного процесса, а премии имени Горького, затеянной тогда журналом. Второй бунт был затеян журналом «Бельские просторы» - это была действительно живая критика, а третий бунт случился относительно недавно, во времена ковидные, когда в группу «Злоба и Зависть» объединились под рукой Вадима Чекунова (Россия-КНР) покойный ныне Кузьменков с Урала, Ципоркина из Питера, а на первых порах ещё и Дмитрий Филиппов, а также некоторые другие неудовлетворённые литературным процессом персонажи. Из-за того, что все они имели вполне конкретные личностные претензии к современной литературе, к этой группе так называемое «серьёзное» (читай – «либеральное») сообщество отнеслось к ним соответствующе. Кроме того, критики писали только об антирусских книгах редакции Елены Шубиной и совершенно отказывались уделять внимание чему-либо кроме, и потому было заподозрено, что группа создана самой редакцией Елены Шубиной в качестве структурного подразделения на выезде во имя пусть и отрицательной, но хоть какой-то реакции на монопольные поделки.

Надеюсь, не будет лишним утверждение о том, что вся эта клоунада мне глубочайшим образом противна. Увы, но это и есть «главный месседж» моего сообщения, и ничем иным я порадовать собравшихся не могу, да и не хочу, наверное.

Современная российская критика не выдерживает критики именно потому, что не видит очевидного: критик является личностью в первую очередь, а личность формируется только одной идеей – любви к Отечеству и своему ремеслу только в разрезе любви к Отечеству. Остальное – блеф и имитация.

Критическое искусство возникло как рефлексия о литературе, интерпретация заложенных в ней высказываний, но с манипулятивным исчезновением идеологического поля (его, словно клетку с попугаем, накрыли половой тряпкой) скатилось до толкования эстетики. Нужно понимать главное: дешифрация смысла книги, вписывание автора в общелитературный контекст, указание на предшествующие школы и тенденции, послужившие автору опорой в его генезисе, эволюция авторских взглядов и совокупности любимых авторских приёмов – просто ерунда, и ерунда зловредная, дикая, как птичий язык в посланиях «сокураторки» Вежлян (Воробьёвой). Добросовестный критик исполняет свои обязанности в единственной плоскости: по возможности благожелательно и аргументированно учит широкого (массового, а не избранного) читателя не интерпретировать произведение или их совокупность, а читать, погружаясь в поэзию и прозу ровно на ту глубину, на которую в него и должен погружаться нормальный, образованный, культурный и воспитанный человек. И книга или их совокупность в критике – только повод, а не цель высоких вибраций критического толка, инструмент мобилизации рефлексивных свойств личности. Однако об этих чудесных временах и обязанностях следует рассуждать в тот момент, когда критика выйдет из тягостного состояния покупной и посконной, то есть, возродит в себе зачатки профессионального подхода и связанного с ним самоуважения.